

Пчелов Е. В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М.: Старая Басманная, 2011. 204 с.

Книга, написанная известным историком, специалистом в области генеалогии, геральдики и вспомогательных исторических дисциплин, посвящена зоосемантике и символическим значениям, рассматриваемых в контексте репрезентации власти московских государей конца XV–XVII вв. В ней содержатся ценные сведения о сакральном восприятии российской государственной властью особых групп животных (существующих в природе, и в том числе экзотических) и фантастических зверей, а значит, отражаются некие субстратные духовные приоритеты. Книга опирается на источниковую базу данных, которая представляет несомненный интерес для историков науки, специалистов в области политики и более широкого круга читателей, так как включает большой историко-культурный материал и богато иллюстрирована.

Автор последовательно, по-видимому, соблюдая определенную иерархию ценности образов животного мира в сознании московских государей XV–XVII вв., рассматривает изображения реальных и фантастических зверей и птиц, которые использовались в государственных регалиях, декоративном оформлении «личного пространства» правителей, включая декор зданий и внутренних

помещений, предметы индивидуального и общественно-государственного назначения.

В разделе, посвященном двуглавному орлу, Е. В. Пчелов высказывает, так сказать, синтетическую концепцию его происхождения. В специальной литературе представлено две точки зрения на историю появления этой птицы на российском гербе. В соответствии с первой из них, источник происхождения эмблемы – Византия XV в., и ее заимствование связано с женитьбой Ивана III на племяннице византийского императора Софье Палеолог. Эта гипотеза преобладала в XIX в. Вторая, получившая распространение в последнее время, состоит в том, что двуглавый орел был скопирован в конце XV в. с герба Священной Римской империи. Пчелов считает, что рано сбрасывать со счетов византийскую версию происхождения русского орла. Хотя, возможно, орел и скопирован с австрийского образца, но просто так взять и один к одному заимствовать чужой государственный герб было немислимо, поэтому изображение орла было стилизовано под византийскую двуглавую птицу. Концепция Пчелова о возникновении русского двуглавого орла как потестарного (властного) государственного символа наиболее

соответствует имеющимся на данный момент данным источников и существующей историографии вопроса.

Царской эмблемой служило еще одно фантастическое животное – единорог. Пчелов приходит к выводу, что эта эмблема выступала в двух взаимосвязанных символических значениях: 1) в качестве символа православного русского государя; 2) являлась выразителем силы и мощи православного воинства перед лицом врага. Автор также признает оригинальной гипотезу Р. А. Симонова об астрологическом значении эмблемы единорога на Руси, но отмечает, что «при всем новаторстве этой гипотезы она вызывает ряд возражений». В частности, в связи с тем, что между «Изборником» 1073 г., где «под ирогом (единорогом) подразумевается зодиакальный знак Козерога» и следующим упоминанием ирога как названия Козерога, «лежит огромная хронологическая дистанция (отождествление Козерога с единорогом в книге «Рафли», на которую ссылается исследователь, относится уже ко второй половине XVI в.)» (с. 56).

В этой связи имеет смысл внимательно учитывать любой аналогичный случай в указанном временном интервале. Так, в рукописном сборнике XV–XVI вв.¹ встречается еще один пример астрологического ирога среди малоупотребительных названий знаков зодиака. Употребление слова «индрогос» в качестве названия Водолея говорит о том, что древнерусский книжник знал зодиакальный термин «ин(д)рог», но не связывал его с Козерогом, что было представлено в «Изборнике» 1073 г.

Значит, на Руси астрологическое понимание эмблемы единорога (инрога) после XI в. размывалось, но не настолько, чтобы не быть известным в отдельных стратах, например, в среде профессиональных прорицателей. Об этом свидетельствует сравнительно устойчивое использование слова «инрог» в предсказательной книге «Рафли» во всех трех случаях его употребления в качестве названия зодиакального знака Козерога.

Возможно, еще одним случаем использования знака Козерога («Инорога») в астрологическом значении является присутствие четырех единорогов на «корабельнике» – представительской или наградной золотой монете Ивана III (XV в.), отчеканенной, вероятно, в подражание аналогичной английской монете; но на ней на тех же местах находились львы, а не единороги². Однако эта гипотеза пока не нашла поддержки специалистов. Так, по ее поводу Пчелов высказывается следующим образом: «Сочетание львов и единорогов настолько очевидно для британской геральдики, что само по себе, как уже говорилось, вполне объясняет замену первых вторыми на “корабельнике” Ивана III» (с. 56). Замена львов единорогами, возможно, очевидна для британской геральдики, как об этом сообщает Пчелов. Но из этого не следует, что такая замена столь же очевидна для Руси. Свой «корабельник» Иван III чеканил не для Британии, о чем свидетельствует надпись на монете, выполненная на русском, а не английском языке. Значит, появление на русском «корабельнике» единорогов надо обуславливать не британски-

¹ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Троице-Сергиево собрание. № 765. Л. 308б.–309а.

² Симонов Р. А. О причине появления единорогов на золотой монете («корабельнике») Ивана III // Гербовед. 1997. № 3 (15). С. 75–79.

ми представлениями, а тем, чем этот символ был для Руси. Значит, вопрос о единорогах на «корабельнике» не так-то прост и ждет открытия новых данных для своего решения.

Рассказывая о символе льва, Пчелов отмечает, что он известен еще в искусстве домонгольской Руси. Обобщая большой материал, автор приходит к выводу о его широком распространении на предметах, связанных с царской властью. К символам льва и единорога автор возвращается в главе «Лев и единорог», где рассматривает указанное сочетание символов в контексте мировой культуры. При этом он отмечает пример трансформации льва и единорога в двух львов. Так, навершие Столовой палаты Коломенского дворца (1681) венчалось шаром с орлом и расположенными по сторонам львом и единорогом. На рисунках же дворца XVIII–XIX вв. по обеим сторонам шара находятся два льва (с. 89–90). Пчелов приходит к интересному выводу естественно-научного характера о том, что на Руси парное использование льва и единорога могло иметь также календарное значение: Лев символизировал Солнце или день, а единорог – Луну или ночь. Эту идею могу частично подкрепить следующим наблюдением. Единороги на Руси часто изображаются белого цвета (подтверждено в личной беседе с автором). В одной книжной миниатюре XVII в., обнаруженной И. М. Грицевской в рукописном собрании Нижнего Новгорода, изображен некий столб, на который водружено подобие колеса Фортуны ³.

³ Грицевская И. М. Лицевой синодальный сборник Нижегородской областной библиотеки // От Средневековья к Новому времени: сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 432–449.

Столб, по-видимому, символизировал время; по его сторонам расположены звери, похожие на львов. Над левым зверем белого цвета расположена надпись: «В нощи зверь чернь грызущь столпъ». Над правым зверем черного цвета дана «симметричная» надпись: «Во дни зверь белъ грызущь столпъ». Вопреки тексту звери имеют противоположную окраску. Можно представить, что черный зверь, символизирующий день, грызет ночное время, приближает наступление дня, то есть выполняет работу белого зверя (дня). И наоборот: белый зверь, символизируя ночь, грызет дневное время, приближает наступление ночи. Значит, в указанном смысле древнерусское обозначение ночи белым зверем, а дня – черным, не является ошибкой, а служит примером диалектического осмысления суточной сменяемости времени. Возможно, в первоначальном варианте миниатюры левым белым зверем, символизирующим ночь, изображался единорог, а правым, как сохранилось на рисунке, – лев. Впоследствии, к XVII в., оба зверя приобрели одинаковый вид львов, как это происходило и в других случаях.

Исследование Пчелова показывает, что в русской потестарной символике имеются животные-лидеры: это двуглавый орел, единорог и лев. Кроме них в книге рассматриваются русские животные, являющиеся символами второго-третьего ряда (кстати, сам автор их так не характеризует). Это уена (медведь?), оскроганы, одноглавый орел, грифон, голубь, дельфин, слон, попугаи и медведь. Символично, что медведь (или как бы медведь – уена) начинает ряд, он же его и завершает, что произошло в книге само собой, так как рассказ о собственно медведе вынесен автором по каким-то причинам в приложение.

Уена фигурирует среди четырех свернувшихся калачиком деревянных резных фигурок подножия Царского места из Успенского собора Московского Кремля, изготовленного в 1551 г. для Ивана Грозного. Уена похожа на волка или собаку, и если это медведь, то довольно тощий, какой-то анемичный (рис. 59). Еще одна особенность изображения этого животного – огромный высунутый язык. Трон поддерживают также лев и два таинственных «оскрогана». В описании фигурки льва фигурирует слово «скимен», т. е. львенок. «Оскроганы» изображены в виде зверей «с большими клыками в верхних и нижних челюстях» (с. 94). Происхождение и значение слова «оскроган» неизвестно. По мнению Пчелова, это слово может быть переводом какого-то иностранного названия, возможно, греческого происхождения. Некоторая неопределенность характеристики указанных животных не должна удивлять. Удивляет другое – то, что автору удалось сказать много конкретного об этих тронных резных фигурках, так как зачастую они характеризуются обобщенно как изображения львов. Так, Л. А. Черная, известная тщательностью своих исследований, характеризовала рассматриваемое Царское место так: «Деревянное царское место в Успенском соборе Московского Кремля, выстроенное для Ивана Грозного в 1551 г. и сохранившееся донныне, представляет собой шатровую сень, помост в которой опирается на четырех резных львов»⁴.

Символический смысл резных тронных фигурок, по мнению Пчелова, согласно традиции, идущей от

Ефрема Сирина (IV в.), выражает древние царства: лев – Вавилонское, уена – Мидийское, два оскрогана – Персидское и Эллинское царства; их значение состоит в том, что на четырех поименованных царствах, как на основании, «стоит современное “трону” царство праведных» (с. 95).

Еще одна группа из четырех животных представлена на naluche саадака Большого наряда 1627–1628 гг. – парадном военном снаряжении царя Михаила Федоровича Романова⁵. В верхней (широкой) части nalucha центральное место занимает двуглавый орел, а вокруг него расположены изображения одноглавого орла, держащего царский венец; грифона с державой в лапе; единорога со скипетром; льва, держащего меч. Ниже этой композиции в медальоне изображен всадник, поражающий дракона. На колчане также помещены двуглавый орел и единорог. Пчелов приходит к следующему выводу: «Очевидно, что на саадаке представлены три государственные эмблемы того времени. Это – двуглавый орел, всадник-змееборец и единорог» (с. 98). Новыми в череде животных саадака являются птицы – одноглавый орел и грифон. По мнению автора книги, они выражают символы евангелистов: одноглавый орел отвечает Иоанну, а грифон – Матфею. Два остальных зверя соответствуют единорог – Луке, а лев – Марку. «В целом изобразительная композиция на naluche саадака имела, таким образом, глубокий символический смысл. С одной стороны, это были символы царской власти (государственный орел, всадник, регалии), с другой – символы духовного характера (аналогия с символами

⁴ Черная Л. А. «Российский лев» в символике петровского времени // Труды Института «Русская антропологическая школа» РГГУ. М., 2011. Вып. 8. С. 119.

⁵ Саадак – комплект вооружения из лука и стрел, naluch – футляр для лука.

ми евангелистов). Тот же факт, что эти эмблемы помещались на предметах парадного вооружения, воинских регалиях, означал то, что царь в военном качестве являлся не только защитником страны, государства, своей державы, но и христианской веры, предводителем православного воинства» (с. 99).

Следующий символ, которому посвящается отдельная глава, – голубь. Интересно, что это первое животное эмблематического характера, которое действительно находилось вблизи русского человека, будучи единственным животным повседневности из представленного ряда. Кроме того, голубь делит эмблематических животных книги поровну на четверки – зверей (единорог, лев, уна, оскроган) и птиц (двуглавый и одноглавый орлы, грифон, голубь). Голубь в качестве московского потестарного символа появился, по-видимому, на деньгах (полушке) «в 1535–1538 гг., в начале правления тогда еще малолетнего Ивана IV, [когда] в России была проведена денежная реформа» (с. 101). Некоторые авторы считают, что на полушке изображен орел, а не голубь. Но на голубя указывает прямое письменное свидетельство известного персонажа русской истории XVII в. Григория Катошихина. Кроме того, современный ученый-нумизмат С. В. Зверев заметил, что на некоторых псковских полушках птичка держит в клюве веточку, и отождествил изображение с библейским рассказом о Всемирном потопе. По его мысли, голубь на монете символизировал сакральный характер царской власти⁶. Пчелов заключает, что на

появление эмблемы голубя «оказало влияние стремление как-то отразить особую Божественную благодать, даруемую царю (что соответствует начальной части полного царского титула «Божиею милостию Государь, Царь»)» (с. 102).

Следующая группа эмблематических животных объединена в одну главу «Экзотические животные», это – дельфины, слоны и попугаи. Изображения дельфинов на предметах в окружении русских властителей появляются в XV в. Самый ранний дельфин, по-видимому, изображен на печати, предположительно принадлежавшей Можайскому князю Ивану Андреевичу, двоюродному брату Василия II (оттиск на грамоте 1447 г.). В построенной итальянцами в 1487–1491 гг. Грановитой палате Московского Кремля грани столпа, поддерживающего своды, украшены рельефными изображениями животных. В центре декоративной композиции помещены два крупных дельфина, обрамленные поясом из квадратов, в которых помещены символы животного мира: олени, журавли, пеликаны, а также двуглавые орлы и другие фантастические животные. По мнению Ю. Н. Звездиной, специально изучавшей художественное оформление столпа⁷, дельфины, помещенные в центр композиции, играли роль царственных животных, так как дельфин считался царем морских обитателей. Также возможно, что дельфины служили ручками трона Василия III, как о том свидетельствует иллюстрация

⁶ Зверев С. В. Появление изображения двуглавого орла на русских монетах XV–XVII вв. // Гербовед. 1999. № 38. С. 57–58.

⁷ Звездина Ю. Н. Рельефы столпа в Грановитой палате Московского Кремля (попытка реконструкции смысловой программы) // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции 1991 г. М., 2000. Вып. 2. С. 77–89.

в разных западноевропейских изданиях «Записок» австрийского посла барона Сигизмунда Герберштейна. По мнению Пчелова, если дельфины русского трона не фантазия западноевропейского гравера, «то перед нами еще один факт присутствия дельфинов в эмблематике конца XV – начала XVI в. Существенно, что Василий III был сыном Софьи Палеолог, которая, как известно, воспитывалась в Италии при папском дворе, а потому, конечно, была знакома с итальянскими ренессансными культурными традициями» (с. 104–105). Пчелов высказывает убедительное предположение о том, что дельфины также присутствуют по бокам трона великого князя Московского Симеона Гордого на миниатюре конца XVI в. из «Жития Сергия Радонежского». Возможно, самый поздний случай изображения пары дельфинов в эмблематике Московского царства представлен в декоре так называемых «Львиных ворот», предположительно, являвшихся частью Потешного дворца XVII в. (ныне эти рельефы хранятся в музее Коломенского). Появление символа дельфина в русской потестарной символике, по мнению Пчелова, возможно, связано со способностью дельфинов спасать тонущих и вытаскивать трупы утонувших на берег. Эта их способность «также стала интерпретироваться в христологическом ключе. Дельфин мог символизировать Христа или церковь как спасителей человечества. В качестве символа христианского спасения дельфин, вероятно, трактовался и в славянской культуре» (с. 115–116). Позже, в XVIII–XIX вв., два дельфина могли служить символом дружбы. В таком качестве их можно увидеть в оформлении Павловска, чем он обязан супруге Павла I Марии Федоровне. Дельфины как символы морской

стихии украшают многочисленные фонтаны Петергофа, статуи Царского Села, чугунные перила Аничкова моста в Петербурге и пр. Используются дельфины и в русской дворянской геральдике.

Слоны на русских государственных регалиях встречаются нечасто. Впервые они как персонажи резьбы по кости известны на Руси в XV в. на посохах митрополита Геронтия и одного из великих князей. Здесь слон выступает боевым животным – с башенкой на спине, из которой выглядывают воины. Этот мотив, как считает А. В. Чернецов, был распространен в западноевропейском искусстве, откуда и был, по-видимому, заимствован русскими⁸. Живые слоны, полученные в качестве дипломатических подарков, жили в Москве XVI в. при Иване Грозном. Слоны и позже содержались в царских зверинцах.

В потестарном символическом значении слон вновь появляется в XVII в. – на Алмазном троне Алексея Михайловича, изготовленном в 1659 г. придворными ювелирами персидского шаха и подаренного царю в 1660 г. армянской торговой компанией. На нижней части трона, занимающая основное изобразительное пространство, расположились четыре слона, покрытые богатой попоной с погонщиком на ней. Последний случай изображения слона как потестарного символа фиксируется на двух тронах, подаренных Николаю II и его супруге в 1908 г. калмыками Донской области. Один из этих тронов (императрицы) сохранился, он находится в экспозиции Омского областного музея изобразительных искусств. Его подлокотники выполнены в виде

⁸ Чернецов А. В. Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров). М., 1987. С. 11–12. Табл. 3,22.

слонов. Пчелов резюмирует: «Сама форма этого трона и его символика как бы подчеркивали власть российских императоров над буддистскими народами, и сам русский государь в контексте этого дара понимался как государь буддистов. Показательно, что здесь в качестве своеобразных стражей царского места использованы именно изображения слонов (а не львов, как в христианской традиции)» (с. 126).

Попугаи на предметах царского вооружения и обихода, вероятно, появились впервые на саадаках Алексея Михайловича 1673 и 1674 гг. и его «геральдической» тарели 1675 г. На ней центральное изображение двуглавого орла окружено вероятными символами изобилия – связками плодов и цветов с сидящими на них птицами, каковыми являются попугаи, если не исключительно, то по преимуществу. По мнению Пчелова, «этот мотив, без сомнения, имеет западноевропейское происхождение» (с. 129). Автор книги приводит много примеров изображения попугаев в XVII в. на различных предметах из царского обихода и обихода обеспеченного русского населения (в резном декоре строений, в наличниках окон, на изразцах, золотых, серебряных и эмалированных стаканах, чашах, чарках, футляре для очков, рукояти пистолета, а также на полковых знаменах, книжных переплетах и пр.). В конце XVII в. попугай появился на двойном троне Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича (будущего императора Петра I). В русской живописи попугай возник к середине XVIII в. Так, он представлен на картинах Г. Н. Теплова «Натюрморт с нотами и попугаем» (1737), А. И. Бельского «Цветы, фрукты и попугай» (1754), И.-Ф. Гроота «Попугай» (1766). По мысли Пчелова, «такая распростра-

ненность попугаев, по-видимому, связана с их христианской символикой. Помимо семантики чистоты и непорочности она могла быть связана и с имитационными способностями этих птиц. Считалось, что мудрый попугай «хвалит Господа» человеческим языком. Он подражает человеческому голосу, и это может служить метафорой подражания человеком голосу апостолов, славящих Христа» (с. 145). Существенно, что автор прослеживает различные смысловые значения этого животного символа на огромном пространстве европейского искусства, начиная с эпохи Возрождения. Представленная в книге масштабная галерея произведений мировой живописи с попугаями раскрывает наличие нескольких типичных композиций (Мадонна с попугаем, дама с попугаем, дети с попугаем и др.), в которых образ попугая варьируется от символа непорочности до символа любовного греха. Пчелов, как и в других случаях, уделяет большое внимание естественно-научным представлениям, лежащим в основе этой разнообразной семантики.

Глава об экзотических животных завершается общей оценкой их символической роли: «Итак, изображения экзотических животных в потестарной эмблематике Московского царства в случае дельфинов могли восходить к семантике образа правителя, заботящегося о своих подданных и, с другой стороны, вписываться в контекст визуально-символической преемственности от Византии, в случае слонов – соответствовать традиции даров восточных правителей и представлениям о высшем положении слона в иерархии животного мира, а также соотноситься с архаическим мотивом царской охоты и царских зверинцев, демонстрирующих власть правителя над силами природы, в

случае попугаев – актуализировать христианскую семантику этого символа как символа непорочности и воплощения хвалы Господу» (с. 145).

Раздел о медведе, вынесенный в приложение, имеет заголовок «Медведи в средневековой русской геральдике: семантика образов». В представлении иностранцев Россия ассоциируется с медведем. Каждому русскому известна байка о том, что иностранцы якобы считают, что у нас по улицам до сих пор ходят медведи. Пчелов предлагает такое объяснение ее появлению: «В представлении о том, что по улицам русских городов бродят медведи, подчеркивающее «дикость» и дремучесть далекой страны, могло отразиться реальное хождение с медведями ряженных...» (с. 149). Дальше он пишет: «Уже с конца XVI в. медведи для Западной Европы служили визуальным символом России, что подтверждается и картографическим, и даже геральдическим материалом (медведи в качестве щитодержателей герба английской торговой Московской компании). Присутствовал медведь и в эмблематике русской средневековой культуры, причем его семантика в ней отличалась заметным разнообразием» (с. 149–150).

Медведь представлен в трех территориальных гербах Руси – Новгорода, Ярославля и Перми; облик эмблем менялся, сложившись в почти окончательный вид ко времени создания официального свода – «Титулярника» (1672). Все три герба с медведями относятся к северным районам европейской России, которые в той или иной пропорции были населены славянскими и финно-угорскими племенами. Как отметил Пчелов, «сам образ медведя в мифо-ритуальных системах жителей лесной и лесостепной природно-географических

зон играл, как известно, важную роль. Не были исключением ни славяне, ни финно-угры. Так что появление медведей в земельной геральдике России было явлением закономерным» (с. 151). В то же время исторические условия, иные факторы и обстоятельства в каждом случае обусловили особенности геральдического облика трех медведей, на чем автор останавливается с удивительной тщательностью. В результате он приходит к следующему заключению: «Таким образом, три медведя в русских земельных гербах связаны с разными мотивами семантики этого символа. Новгородский медведь, возможно, являясь финским заимствованием, имел государственно-политическое значение (хотя не исключено влияние и духовно-идеологических настроений), ярославский же и пермский отражали существенные культурные модели: первый единоборство и победу над медведем князя, понимаемую и как победу христианства над язычеством, второй – христианизацию в религиозно-просветительском аспекте, и если в ярославском гербе присутствует элемент насилия, то в более «спокойном» пермском передано скорее мирное приобщение к новой вере. Примеры русской геральдики свидетельствуют о сложении эмблематической презентации этих идей уже на протяжении XVI–XVII вв.» (с. 171–172).

В книге Пчелова отсутствует «Заключение». Возможно, автор намекает на возможность появления продолжения книги, тогда будем ждать его с нетерпением. Однако уже написанное как бы само собой подводит к следующим выводам, имеющим не только историческое, но и важное практическое значение для понимания судеб современной России. Проясняется вопрос об отождествлении

Руси/России с медведем. Это внешнее (соседское) восприятие русских. Как убедительно показал Пчелов на примере смоленского герба и других гербов, ассоциировать русских и Россию с медведем европейцы стали примерно с XVI в.: «Сопряжение медведя с Русью, как мы видели, традиционно для европейцев, по крайней мере, начиная с XVI в. Возможно, истоки этого представления следует искать и в более ранний период» (с. 174–175). Сами же русские так не считали. Те медведи, которые представлены на Новгородском, Ярославском и Пермском гербах, по-видимому, символизируют автохтонные финно-угорские народы этих областей. Поэтому медведь не представлен в потестарном качестве на русских государственных регалиях. Уена, если это даже медведь, не в счет, так как обозначает не «нашего» медведя, а какого-то древнего иранского медведя Мидийского царства I тысячелетия до н. э.

Еще один важный вывод. Подавляющее большинство русских потестарных символов животных относятся к животным, которые не живут на территории страны. Это либо фантастические звери и птицы: двуглавый орел, единорог, грифон, уена, оскроганы, либо экзотические животные: лев, слон, попугаи, дельфины. Остаются две птицы русской фауны: орел и голубь. Может быть, эти персонажи животного мира не случайны, поскольку громадные размеры страны могут олицетворяться именно птицами, так как лучше всего обозреваемы с высоты и преодолеваемы по воздуху. Обилие фантастических животных рядом с тронном может свидетельствовать о романтичности и креативности русских властных структур, а множество заморских животных – об открытости

к диалогу и заимствованиям. Все это слабо коррелирует с существующим представлением в современном обществе о России как стране, властные структуры которой отличаются гипертрофированной ригидностью, почти исключая адаптацию (следование идеалу стабильности как самобытной застойности).

Рецензируемая книга представляет собой важное научное событие еще и потому, что в ней делается своеобразный источниковедческий прорыв, сделанный в том числе благодаря привлечению значительного историко-научного материала о животных. Если раньше исторические источники, наряду с историографией, служили фундаментом исторических и историко-научных исследований, то теперь появился принципиально новый источник, своего рода источник в квадрате или источник второго рода, в виде перечня потестарных животных, выделенный Пчеловым. В зависимости от исторического периода и цели исследования он может меняться, порождая череду своеобразных исторических «срезов». В этой связи в качестве примера можно привести такой случай. Все выделенные Пчеловым потестарные животные, если связаны с человеком, то с таким, который находится как бы «за кадром» или выступает статистом. В рамках же исторической антропологии, где центром изучения является человек, перечень Пчелова расширяется за счет образов коня и дракона, соединенных в более сложный образ борьбы всадника с фантастическим змеем. Как известно, этот сложный образ, в отличие от многих других, сохранил (наряду с двуглавым орлом) потестарное значение до сих пор, став гербом города Москвы.

Р. А. Симонов